

ИЗ «ЖИЗНЕЙ СОФИСТОВ» ФЛАВИЯ ФИЛОСТРАТА

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ знает примеры, когда в одном семействе больше одного писателя: скажем, сын Софокла Иофон сочинял трагедии, пусть о них почти ничего не известно, философ Сенека был сыном ритора Сенеки, а еще отец и сын Дюма, дядя и племянник Пушкины... – но уже три сестры Бронте являют собой приметное исключение, потому что их три. Еще приметнее семейство Филостратов, которых четверо: самый старший (Филострат, сын Вера), его предположительный сын (Флавий Филострат), зять сына (Филострат Лемносский, из той же семьи) и внук сына (Филострат Младший). Все они жили во II–III вв., в эпоху Второй софистики, и сами были участниками этого культурного движения римских греков, а осталось от них, если считать в полноформатных «литпамятниках», тома четыре, причем не фрагменты, а цельные и оригинальные произведения. Казалось бы, такое вот семейное собрание сочинений, сразу компактное и разнообразное, должно привлекать издателей, однако же оно было издано (с латинской параллелью) лишь раз, Годфридом Олеарием¹, так что через триста лет мы решили возобновить проект *Philostratorum quae supersunt omnia*, теперь уже по-русски, – перевести и опубликовать (разумеется, с положенным такому изданию аппаратом) полное собрание сочинений всех Филостратов, а в свет выпускать по мере готовности, книжку за книжкой.

Сочинения самого знаменитого из четверых, Флавия Филострата Афинского (170–247), занимают более двух третей семейного собрания. Кроме сравнительно небольших произведений и объемистой, но в русском переводе (правда, требующем исправления и обновления) уже имеющейся «Жизни Аполлония Тианского», от него остались «Жизни софистов» в двух книгах – единственный относительно подробный рассказ о деятелях Второй софистики, а значит, и о самой Второй софистике. Ясно, что для проекта в целом ничего полезнее этого сборника нет, потому-то с него мы и решили начать – и уже сделали большую часть работы, образец которой и предлагаем сейчас читателю.

Вообще-то сочинения любого из Филостратов нередко объединяют с другими, однако лишь по традиционным с александрийских времен тематическому или жанровому принципам: «Жизнь Аполлония» – с письмами Аполлония и трактатом св. Евсевия против «Правдолюбца» Гиерокла, «Жизни софистов» – с одноименным (гораздо более поздним) сборником Евнапия и т. д. А вот семейный принцип по самой сути своей исключителен: литературных семейств исчезающе мало, совместное издание Сенеки-отца и Сенеки-сына было бы громоздко и бессмысленно, у Иофона издавать нечего... – словом, при издании Филостратов можно говорить об особом подходе к особому явлению. Тут нелишне вспомнить, что и сам Годфрид Олеарий был из литературного семейства, процветавшего в XVII–XVIII вв.: в его родстве и ученый путешественник Адам Олеарий, и выдающиеся в свое время богословы Иоганн и Иоганн-Годфрид, а по повторяемости имен можно предположить, что Олеарии, как и Филостраты, семейные связи ценили².

Софисты иногда сочиняли похвальные или разоблачительные жизнеописания (такова и апологетическая «Жизнь Аполлония»), но биографических сборников не составляли, а другие биографы о софистах не писали; только Флавий Филострат взялся за этот труд уже на склоне лет и завершил его не позднее 238 г. н. э.³, давным-давно будучи и знаменитым софистом, и римским сенатором, и автором всем известной «Жизни Аполлония». Этой последней «Жизни софистов» по недостоверности, конечно, далеко уступают, но «Жизнь Аполлония» – апология божественного любомудра, а от «Жизней софистов», как от любого биографического сборника, естественно ожидать побольше познавательности; вернее сказать, этого хотели бы новоевропейские филологи, раз уж сборник Филострата в своем роде единственный. Потому-то многих он разочаровывает: автора корят и бессистемностью изложения, и неисторичностью, и небрежностью – таково было господствующее мнение сто лет назад⁴, примерно таково оно и теперь, хотя заметно смягчилось, ибо за отсутствием иных источников по истории Второй софистики приходится пользоваться «Жизнями софистов» – ничего лучшего попросту нет⁵.

Свои задачи Филострат формулирует в посвящении Гордиану: рассказать о «собственных добродетелях и пороках» каждого софиста и

«в чем он преуспел либо потерпел неудачу случайно либо намеренно», а кстати развлечь читателя («сей труд да облегчит бремя твоих забот, словно полный египетскими снадобьями кубок Елены»), – примерно те же задачи присущи биографическому жанру в целом. Филострат, однако, не сразу приступает к расположенным в хронологическом порядке жизням профессиональных софистов, а начинает со своего рода предыстории, посвящая целый раздел предтечам современного ему искусства, подробно объясняя различие между софистами старыми и новыми, часто приводя названия удачных речей, порой даже цитаты из них – и все это, конечно, служит познавательности. Но если другие биографы растолковывают то, что может быть читателю непонятно или неизвестно, Филострат, сам соблюдавший это правило в «Жизни Аполлония», в «Жизнях софистов» словно экономит на объяснениях именно там, где они были бы особенно полезны: скажем, подробно рассказывает о заурядном конфликте софиста Скопелиана с отцом, а вот нравившийся слушателям своеобразный выговор софиста Полемона упоминает вскользь, так что нелегко понять, в чем же заключалось его своеобразие. Есть и другие примеры, иногда оговоренные в примечаниях к переводу, а в общем понять разочарование исследователей можно – но Филострат писал не для них.

Каждый автор, хотя бы и древнеклассический, адресуется к определенному кругу читателей, биограф – к довольно широкому кругу, и Филострат, как видно по «Жизни Аполлония», с широким читателем ладить умел. Но читатели привыкли к жизнеописаниям знаменитых политиков или хотя бы философов, а никак не профессиональных преподавателей риторики – пусть те всё определеннее становились лидирующей интеллектуальной группой римского эллинизма, будучи притом людьми публичными, демонстрирующими свое искусство не только ученикам, но время от времени всем желающим. Это естественно формировало специфический круг любителей софистики, состоявший как из самих софистов, так и из тех, кто лишь пробовал себя в качестве софиста или учился у софиста, или просто был завсегдатаем выступлений – ясно, что Филострат рассчитывал именно на таких читателей. Круг их был не слишком широк, что-то вроде «образованной публики» и тех, кто себя к ней причисляет, а значит, растолковывать технические детали не требовалось, довольно было упомянуть, что один софист считался искуснее в том, а дру-

гой в этом, зато уместно было процитировать удачную речь и, уж конечно, рассказать о дразгах между софистами, об их домашней жизни, об их отношениях с учениками, сановниками и согражданами. Наконец, сама текстура такого повествования должна была быть софистической: хорошим аттическим слогом, без присущей историкам и грамматикам фактографии, с эффектной цитатой, с шуткой, иногда с необременительным моральным рассуждением – словом, язык описания должен быть близок предмету описания, и Филострату как профессиональному софисту такое сближение, конечно, удастся.

В сущности, в этом-то и заключается сразу привлекательность «Жизней» (не зря же их переписывали от руки больше тысячи лет) и трудность работы с ними. Другие биографы не только писали для всех желающих, а значит, более понятно, но – и это главное! – сами не принадлежали к числу тех, о ком писали, разве что грамматик Светоний оставил несколько кратких биографий грамматиков. А вот Филострат сам был знаменитым софистом, писал о знаменитых софистах и писал для софистов и любителей софистики – таким образом, этот его труд создавался, как сейчас сказали бы, для внутреннего употребления, а теперь его возможно читать лишь извне, не все понимая с первого раза, многое вовсе не понимая, но все-таки ближе, чем когда-либо, соприкасаясь с почти не известным нам интеллектуальным бытом римских греков.

В заключение несколько слов о переводе. Воспроизведение стиля предполагало, разумеется, известную архаизацию (аттицизм потому и назывался аттицизмом, что ориентирован на аттическую классику), но относительная старомодность присуща книжному языку почти всегда. Важнее, что стилистическая норма воспрещала образованным грекам употреблять варварские, т. е. любые негреческие, слова, а потому в эпоху Второй софистики всю латинскую номенклатуру грекоязычные римские граждане переводили на греческий, не особенно беспокоясь о терминологической точности, так что не всегда понятно, а нередко и вовсе непонятно, который (например) «гипат» был консулом, который консуляром и который кем-нибудь еще – и мы тоже никакими латинскими по происхождению словами при переводе не пользуемся, а если знаем про какого-нибудь (например) «гипата», что он был консулом такого-то года, сообщаем об этом в комментарии. А раз уж наш русский должен изображать греческий, стараемся

не злоупотреблять и греческими словами, хотя тут возможности поневоле ограничены: софисты остаются софистами, театры театрами, монодии монодиями – слишком многие греческие термины русского аналога попросту не имеют.

Характерные для софистической прозы звуковые прикрасы – в речах их несравненно больше, но попадают и в повествовании – мы почти не передаем. Применительно к ритмическим орнаментам это чаще всего и невозможно, так как в русском языке нет противопоставления долгих и кратких слогов, и в необходимых случаях приходится довольствоваться гармонизацией силовых ударений. Не передаются, однако, и встречающиеся у Филострата созвучные окончания слов, иногда именуемые «риторическими рифмами»: передать эти *гомеотелевты* довольно легко, но в данном случае, по нашему мнению, неуместно. Переводчик вручает текст словесности, уже имеющей фундаментальную структуру, нарушать которую нельзя, а разделение поэзии и прозы несомненно относится именно к фундаментальным. Между тем в русской литературе рифма является признаком стихотворной речи⁶, у греков же рифмованной поэзии не было, *гомеотелевт* был сугубо риторическим приемом и существовал только в прозе. Таким образом, в русском переводе гомеотелевты звучали бы внедренными в прозу поэтизмами, какими в греческой прозе вовсе не являются, и если при переводе поэтизированной прозы (скажем, «Дафниса и Хлои») они допустимы, то при переводе биографий от них разумнее отказаться.

В итоге читателю предлагается текст, который проще оригинала, хотя кому-то «Жизни» все равно покажутся тяжеловатыми, а то и (*horribile dictu!*) доступными для упрощения с помощью нехитрых переводческих приемов, дающих широкой публике возможность не утомлять себя непривычным стилем. Однако, как уже сказано, «Жизни софистов» не адресованы широкой публике, а значит, для тех, кто сегодня хочет получить хотя бы приблизительное представление об этом труде Филострата, легким чтением быть и не должны.

Перевод выполнен по изд.: Philostratus and Eunapius. The Lives of the Sophists. With an English Translation by Wilmer Cave Wright. Cambridge, 1923.

- ¹ Philostratorum quae supersunt omnia / Ed. G. Olearius. Lipsiae, 1709.
- ² На всякий случай заверяю, что участники проекта ни друг другу, ни Филостратам не родня.
- ³ «Жизни софистов» посвящены Антонину Гордиану, который в 238 г. стал императором, а в посвящении фигурирует еще как «лучший из проконсулов».
- ⁴ Синописис этих мнений можно найти у Н.П. Обнорского в энциклопедии «Брокгауз–Ефрон»: «Это скорее ряд портретов, которые Ф. набрасывал, пользуясь сборниками писем, преданиями школы, речами и личными воспоминаниями; в этом смысле материал биографий представляется весьма ценным, хотя портреты софистов расплывчаты, характеристики страдают гиперболичностью, стиль отличается напыщенностью и в общем произведение представляется поверхностным и малосодержательным» (Т. 70. С. 855).
- ⁵ Swain S. The Reliability of Philostratus' Lives of the Sophists // Classical Antiquity. 1991. Vol. 10. P. 148–163; и верно, для истории Второй софистики «Жизни» – the crucial text (Whitmarsh T. The Second Sophistic. Oxford, 2005. P. 24).
- ⁶ Речь идет, конечно, о литературе книжной, так как в фольклорных текстах разного назначения (в пословицах, в заговорах) гомеотелевты имеются, правда, лишь в старых жанрах, – уже в относительно новых (возникших рядом с рифмованной поэзией) частушках рифмы самые настоящие.

Е.Г. Рабинович

ИЗ КНИГИ ПЕРВОЙ

8. Точно так¹ и *Фаворин* был признан софистом за свое красноречие. Был он из западных галатов, из города Арелат, что стоит на реке Родан², рожден же двуприродным и двуполым, и сие обнаруживалось как в его наружности, ибо до самой старости был безбород, так и в голосе, который звучал высоко, тонко и резко, наподобие того, каким природа наделяет евнухов; в любви же он был столь горяч, что один гипат обвинил его в прелюбодеевании. Была у него ссора и с кесарем Адрианом, однако он никак не пострадал. Отсюда и на пророческий лад сказанное о трех противоречиях в его жизни – что, мол, говорить ему, галату, по-гречески³, судиться ему, евнуху, за прелюбодеевание, а еще поссориться с кесарем и выжить, хотя за последнее скорее надо бы похвалить Адриана, раз, будучи кесарем, он ссорился как с равным с тем, кого вправе был предать смерти⁴. Царь лучше *на мужа подвластного гневный*, ежели обуздает гнев, и *тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса*⁵, коли умеряется разумом, – хорошо бы те, кто наставляет государей в нравах, добавили сие к мнениям стихотворцев.

Избранный на родине в верховные жрецы⁶, он хотел было сослаться на законы, предписывающие увольнять любомудров от государственных должностей, но заметив, что кесарь готов возразить, что никакой он, мол, не любомудр, пресек сие намерение так: «Государь, был у меня сон, о коем нельзя не рассказать: явился мне учитель мой Дион⁷ и внушил от имени Истины, что родимся мы не только ради нас самих, но и ради отечества⁸, – посему, государь, я подчиняюсь учителю и должность принимаю». Кесарь-то подобными делами занимался для забавы, отвлекаясь от царственных размышлений в обществе софистов и любомудров, однако афинянам все это показалось важным, и вот они, по большей части в чинах, собрались и повалили бронзовое изваяние Фаворина как наиглавнейшего врага кесаря. Он же, прослышав о том, ничуть не оскорбился и безо всякой досады и злости заметил: «Сократ, пожалуй, приплатил бы, чтобы лишиться у афинян бронзового изваяния⁹, а не пить цикуту».

Он весьма сблизился с софистом Геродом, почитавшим его учителем и отцом и писавшим ему: «Когда увижу тебя? Когда оближу твой рот?»¹⁰ Посему перед смертью он отказал Героду и книги, сколькими ни владел, и дом в Риме, и Автоликифа, а тот был индус и довольно черен – забава Героду и Фаворину, ибо, когда пировали они вместе, он развлекал их, смешивая аттическое наречие с индийским и ломая язык на варварский лад.

А ссора, случившаяся между Полемоном¹¹ и Фаворином, началась в Ионии, где эфесяне держали сторону Фаворина, меж тем как Смирна восхищалась Полемоном, усугубился же сей разлад в Риме, ибо гипаты и детища их хвалили одни одного, другие другого, – так-то началось любочестное соперничество, способное разжечь неприязнь даже среди мудрых мужей. Само по себе сим двоим оно простительно, ибо сама природа человеческая неустанно к тому подгоняет, а вот речи их друг против друга заслуживают порицания: необузданная брань, хотя бы и правдивая, не избавляет от позора тех, кто говорит о подобном. Так вот, тем, кто называл Фаворина софистом, для доказательства хватало, что он спорил с софистом, ибо помянутое любочестное соперничество обычно возникает между сотоварищами по одному и тому же искусству.

Речь Фаворина по построению был небрежна, но искусна и приятна, а еще он, якобы, с легкостью говорил без подготовки. Что до нескольких речей против Проксена, право, не стоит думать, будто они задуманы либо составлены Фаворином – вернее всего, это упражнение допившегося чуть ли не до рвоты юнца. А вот «Против несвоевременного», «За единоборцев» и «За купальни» мы объявляем подлинными и отлично составленными: скорее всего, они из его любомудрых сочинений, среди коих лучшее – «Последователи Пиррона», каковым, хоть и скептикам, он не отказывает в способности выносить судебные приговоры¹².

Также и когда рассуждал он в Риме, все стремились к нему, ибо даже не знающим по-гречески было сладостно его слушать: он чаровал их и звуком голоса, и важностью вида, и мерностью речи, а еще послесловием, которое они называли песню¹³, я же зову любочестием, ибо там расхваливается уже доказанное. Еще он говорит, что слушал Диона, но так же далек от него, как и не слушавшие. Вот и все о муже, принадлежавшем к любомудрам,

но слывшем софистом, – а нижеследующие были софистами в прямом смысле слова.

Фаворин (после 80 – ок. 150) – представитель так называемого академического скептицизма, автор трактатов не только по философии, но и по истории и географии; был знаменит своим красноречием; из его сочинений, кроме фрагментов, сохранились (в корпусе Диона) лишь две речи. Биография его предшествует биографии жившего гораздо раньше Крития, так как помещена в разделе «слывших софистами», между тем как Критий был софистом «в прямом смысле слова».

- 1 *Точно так...* – В начале первой книги Филострат помещает жизнеописание философов, именуемых софистами за их красноречие.
- 2 *Арелат* – колония римского права, ныне Арль; *Родан* – Рона.
- 3 *...по-гречески...* – Галлия, родина Фаворина, была преимущественно латиноязычной, но языком философии и науки оставался (за редкими исключениями) греческий.
- 4 *...передать смерти...* – У императора среди прочих полномочий были преторские (судебные).
- 5 *...лучше на мужа подвластного гневный...* – Ср. Илиада I. 80: «Слишком могуществен царь, на мужа подвластного гневный...» (пер. Н.И. Гнедича); Филострат использует многозначность греческого «лучший», придавая ему нравственный смысл, хотя у Гомера оно указывает на большую силу; *...тягостен гнев царя, питомца Крониона Зевса...* – Илиада II. 196.
- 6 *...избранный в верховные жрецы...* – В колониях римского права должность верховного жреца была, как и в Риме, выборной.
- 7 *Дион Хризостом* (ок. 40 – ок. 120) – старший из классиков Второй софистики; у Филострата его жизнеописание предшествует жизнеописанию Фаворина (I. 7).
- 8 *...родимся мы не только ради нас самих, но и ради отечества...* – Аллюзия на хрестоматийную речь Демосфена «За Ктесифонта о венке» (205).
- 9 *...бронзового изваяния...* – После казни Сократа афиняне вскоре раскаялись и заказали знаменитому ваятелю Лисиппу его статую.
- 10 *Когда оближу твой рот?* – Аллюзия на Аристофана (фрг. 581.2); Фаворин и Герод славились распущенностью нравов, здесь это демонстрируется эротическим намеком в дружеской переписке.
- 11 *Полемон* (ок. 85 – 145) – знаменитый софист; см. у Филострата его подробное жизнеописание (I. 25).
- 12 *Пиррон* (ок. 360 – ок. 270 до н. э.) – основоположник скептицизма, которому сочувствовал Фаворин; скептики отрицали возможность достоверного знания, а именно на нем должен быть основан справедливый судебный приговор.
- 13 *...песню...* – Имеется в виду декламация нараспев, особенно часто используемая при завершении речи.

16. Софист *Критий*, хоть и уничтожил у афинян народоправство¹, оттого еще не худ, ибо народоправство и само себя уничтожило бы, до того занесясь, что не подчинялось законным правилам, однако же он и лаконствовал явным образом²; он и святыни предавал³; он и рушил с помощью Лисандра стены⁴; он и изгнанных им афинян лишал пристанища в Элладе, грозя войной от лакедемонян всякому, кто примет афинского беглеца; он и Тридцатерых превосходил жестокостью и кровожадностью; он и нелепый спартанский замысел опорожнить Аттику от стада людей и объявить скотым пастбищем⁵ разделял – посему уж мне-то он изо всех, соделавших себе имя злодеяниями, кажется наихудшим. Когда бы вовлекся он в сие по невежеству, подтвердились бы речи тех, кто утверждает, что, мол, испортили его Фессалия и тамошнее общество⁶, ибо при выборе жизни невежественные нравы смутить весьма легко, но поелику он получил отменное воспитание и растолковывал множество премудростей, а происходил от Дропида, правившего афинянами после Солона⁷, ему, пожалуй, не ускользнуть от предьявляемого большинством обвинения, что преступления сии – от худой природы. Нелепо и то, что Сократу, сыну Софрониска, он не уподобился, хоть и любомудрствовал с ним, почитавшимся мудрейшим и справедливейшим в его окружении, а уподобился фессалийцам, кои даже за вином усердствуют в заносчивости, и в невоздержности, и в тиранстве. И все-таки фессалийцы тоже мудростью не пренебрегали, но и малые их города, и которые побольше, взирая на (502) Горгия Леонтинского⁸, принимались ему подражать, а ведь могли бы и Критию подражать, устрой он у них какой-нибудь показ своей премудрости. Он же сим пренебрегал, зато господство немногих делал у них тягостнее: в беседах с властью имущими на всякое народоправство нападал, афинян же хулил как наипреступнейших из людей, так что, ежели поразмыслить, скорее Критий выглядит растлителем фессалийцев, нежели фессалийцы растлителями Крития.

Смерть он принял от соратников Фрасибула, кои вернули, пришед из Филы, народоправство. Иным из-за кончины своей кажется он хорош, ибо тиранья соделалась ему саваном⁹, да только, по моему мнению, гибель из-за неверного выбора ни для кого из людей прекрасна не бывает, и потому-то, думаю, у эллинов

мало занимаются премудростью Крития и сочинениями его – ведь, ежели не в согласии речь с нравом, кажется, будто мы разговариваем чужим голосом, точно дудки. Что же до склада речи, был он у Крития поучителен и полон мудрых мыслей; также и в торжественных речах был он весьма искусен, однако торжественностью не дифирамбической и не прибегающей к поэтическим именам, но естественной и составленной из самых обиходных слов. Видно, что он и кратко выражаться умел, и в защитительных речах ловко отбивался, и в аттицизме не был невоздержан¹⁰, но и без чуждых слов, ибо при аттицизме незнание меры в прекрасном есть варварство, у него же аттические слова распространялись по речи подобно сиянию лучей. Приступать к новому разделу речи без перехода – прелесть Крития; неожиданное задумать и неожиданно же изречь – сила Крития; а вот одушевления речам его недоставало, хотя были они сладостны и легки, словно дуновение Зефира.

Критий (ок. 460 – 403 до н. э.) – афинский аристократ, родственник Платона, из круга друзей Сократа (в уста ему Платон вложил рассказ об Атлантиде), активный противник демократии; в 407–404 гг. до н. э. жил в изгнании в Фессалии. Вернувшись в Афины после их поражения в Пелопоннесской войне, вошел в проспартанское правительство Тридцати (прозванное позже «Тридцатью тиранами»), был одним из лидеров устроенного в Афинах политического террора и вскоре погиб при низвержении Тридцати войском изгнанников под началом Фрасибула. Был известен как поэт, оратор и автор политических трактатов; от сочинений его дошли немногие фрагменты, хотя из жизнеописания Герода известно, что «царь словес» считал слог Крития образцовым, подражал ему и – ненадолго – оживил интерес к его сочинениям (II.1.564). Упоминаний о Критии в древнеклассической литературе немало, но биография его была написана лишь Филостратом.

¹ ... уничтожил... народоправство... – Первой такой попыткой было создание в 411 г. до н. э. Совета четырехсот, за что Критий позднее и был изгнан. Здесь характерное для Филострата преувеличение: в действительности через несколько лет после падения Тридцати демократические институты в Афинах восстановились и уже не упразднялись, хотя после утраты независимости сохранялись лишь на муниципальном уровне.

- 2 ...*лаконствовал явным образом*... – Так называлось любое подражание спартанскому, даже в быту; Критий, однако, вдобавок писал проспартанские трактаты, в 411 г. до н. э. якобы предлагал отдать спартамцам один из фортов близ Пирея и, наконец, был самым радикальным из Тридцати.
- 3 ...*святыни предавал*... – т. е. желал сдать город (отчие святыни) неприятелю.
- 4 ...*рушил... стены*... – Так называемые «длинные стены», соединявшие Афины с Пирейской и Фалерской гаванями и разрушенные после поражения афинян спартанским полководцем Лисандром, чтобы лишить горожан безопасного выхода к морю.
- 5 ...*опорожнить Аттику*... – Гиперболическое указание на намерение разрушить не только стены, но и самый город афинян, что противоречило древним законам о войнах между эллинами (было «нелепо»), так что спартанцы, по свидетельству большинства авторов, в том числе Ксенофонта («Греческая история», II. 2. 19–20) и Исократа (XIV. 31), отклонили это предложение иных своих союзников; о подобном намерении самих спартанцев упоминает лишь поздний историк Диодор (XV. 63. 1), которому Филострат и предпочитает верить.
- 6 ...*Фессалия и тамошнее общество*... – Фессалия считалась страной полуварварской и славилась распущенностью нравов (ср. Платон, «Критон» 53D).
- 7 *Дронид* – предок Крития, друг и родственник Солона (Платон, «Тимей» 20E), якобы был затем архонтом; более ничем не знаменит.
- 8 *Горгий* – едва ли не самый выдающийся из древних софистов, см. у Филострата его жизнеописание (I. 9); о его популярности в Фессалии говорит и Платон («Менон» 70B).
- 9 ...*тирания соделалась ему саваном*... – т. е. он погиб, защищая свою власть. Этот распространенный образ восходит к «Архидаму» Исократа (44–45): «Тиран Дионисий, когда карфагеняне осаждали город и не видно было надежды ему спастись, ибо и война напирала, и собственные граждане роптали, вознамерился уплыть прочь, но кто-то из ближних дерзнул сказать, что тирания – прекрасный саван». Это говорит не сам Исократ, а один из друзей тирана, и к гибели Крития (совсем недолго пользовавшегося совсем не единоличной властью) цитата подходит плохо, но для софиста слог часто важнее смысла, а для Филострата отсылка к Исократу дороже исторического правдоподобия.
- 10 ...*в аттицизме не был воздержан*... – Аттицизм возник в эллинистическую эпоху, когда господствовало «всенаречие» (койнэ), и предполагал ориентацию на язык и стиль древних аттических авторов, прежде всего Платона и Демосфена; говорить об «аттицизме» Крития, который был старше или гораздо старше этих авторов и просто пользовался своим родным диалектом, по меньшей мере неисторично, но софистической логике Филострата не противоречит: «умеренный аттицизм» несомненно хорош, у Крития как раз такой – а значит, нельзя его за это не похвалить.

ИЗ КНИГИ ВТОРОЙ

3. Именит среди софистов и *Аристокл Пергамский*, о коем расскажу все, что слышал от старших. Был он вельможного рода и от юности до возмужалости любомудрствовал вместе с перипатетиками, а затем перешел к софистам, часто посещая в Риме выступления говорившего без подготовки Герода. В пору любомудрия неопрятный, косматый и в грязном платье, он предался роскоши, отринул неопрятность и впустил в свою жизнь все наслаждения, сколько их ни есть: лиры, авлы и пение, так что певцы и играцы толпились у него на пороге; а еще, хоть прежде того себя сдерживал, соделался завсегдатаем зрелищ и шумел там вместе с прочими¹. Герод, посетив Пергам, когда был при должности и тамошнее эллинство от него зависело, передал всех слушателей своих Аристоклу², чем возвысил его, как бы добавив камешек от Афин³. Слог речей Аристокла – аттический и ясный, более подходящий для выступлений, нежели для состязаний, ибо не было в словах его желчи и резких выпадов, да и самый его аттицизм, коли сравнивать с языком Герода, кажется скорее утонченным, нежели звучным и звонким. Умер Аристокл наполовину седым, едва приблизясь к старости.

Аристокл – из круга младших (если не по возрасту, то по положению) сверстников Герода (100–177), автор философских трактатов и учебников риторики, из которых ни один не сохранился; жил в Риме, позднее вернулся в Пергам, где сам стал учить риторику.

- 1 ...*завсегдатаем зрелищ*... – Состязания колесниц и гладиаторские бои сопровождались поднимаемым «болеельщиками» шумом; философы подобные зрелища презирали, так что Аристокл получил к ним доступ лишь после ухода от перипатетиков.
- 2 *Герод... когда был при должности*... – Несомненно, имеется в виду первая из занимаемых Геродом должностей, когда он, будучи примерно одних лет с Аристоклом, исполнял обязанности финансового инспектора Малой Азии (в 130–135 гг.: см. II. 1. 548, 554), притом что уже был известным софистом и наверняка выступал в таком центре учености, каким был тогда Пергам.
- 3 ...*камешек от Афин*... – Намек на известный по Эсхилу («Евмениды», 747–756) миф о том, как при суде над Орестом Афина добавила белый камешек в его защиту; Герод был афинянин, и Аристокл благодаря ему обзавелся платными учениками из числа его слушателей.

5. *Александр*, многими прозываемый Глиняным Платоном, был родом из Селевкии, отнюдь не безвестного киликийского города¹. Отец его был ему тезкою и отлично умел говорить перед народом, мать же была на редкость хороша собой, о чем свидетельствуют изображения, и похожа на Евмелову Елену, ибо Евмел² изобразил такую Елену, что ее можно хоть римской вечевой площади³ принести в дар. Говорят, в сию женщину были влюблены многие, в их числе Аполлоний Тианский, того не скрывавший, и хотя прочих она отвергала, с Аполлонием сошлась, жаждая хорошего потомства, ибо сей муж божественностью превосходил человек, – а почему все сие маловероятно, ясно сказано в моем сочинении об Аполлонии⁴. Но все же Александр был богоподобен и отличался приятностию облика, ибо борода у него была кудрявая и короткая, глаза большие и красивые, нос соразмерный, зубы белее белого, а пальцы хорошей длины и приспособленные держать вожжи речей. Было у него и богатство, употребляемое на непостыдные удовольствия.

Уже в зрелом возрасте был он послом от Селевкии к Антониону, и тогда пошли о нем клеветы, будто молодится. Вышло так, что государь словно бы проявлял к нему слишком мало внимания, и Александр, (571) возвысив голос, окликнул: «Слушай-ка, кесарь!», а тот, раздраженный столь дерзким обращением, отвечал: «Я тебя слушаю и я тебя знаю – ты вечно то кудри чешешь, то зубы чистишь, то ногти пилишь, и всегда-то от тебя разит духами».

Большую часть жизни он подвизался в Антиохии, в Риме, в Тарсе, а уж в Египте, ей-богу, повсюду, ибо добирался до мест, где обитают Нагие⁵, в Афинах же бывал редко, однако случаи сии достойны упоминания. Ездил он тогда к пеонийским племенам⁶ – по поручению кесаря Марка, который воевал в тех краях, а его назначил письмоводителем эллинов⁷; итак, прибывши в Афины, – с Востока путь не близкий! – он сказал: «Присядем-ка здесь»⁸ и засим объявил афинянам, страстно желавшим послушать его речи без подготовки, о своем выступлении, а прослышав, что Герод в Марафоне⁹ и с ним все юношество, написал ему, прося вернуть эллинов, Герод же отвечал: «Прибуду с эллинами и сам». Все собрались в театре Керамика, иначе именуемом Агриппеон¹⁰, однако время шло, а Герод все медлил, и афиняне уже

возмущались, отчего не начинается выступление, предполагая тут некую уловку, (572) так что Александру поневоле пришлось приступить к речи прежде прибытия Герода.

Сия речь являла собою похвалу городу и оправдание пред афинянами, что он доселе не посещал их, а длилась сколько следовало, наподобие сжатого изложения Панафинейской речи; сам же он показался афинянам таким щеголем, что, еще покуда молчал, меж ними прошел одобрительный ропот о благолепии его обличья. Из предложенных для ипотезы¹¹ предметов возобладал такой: некто побуждает скифов вернуться к кочевой жизни, ибо в городах они хиреют¹², и вот Александр, немного выждав, с радостным лицом вскочил из кресел, словно несущий благие вести тем, кто будет его слушать. Он уже изрядно продвинулся в своей речи, когда явился Герод в широкополой аркадской шляпе, какими покрываются афиняне в знойную пору – а еще он, наверное, показывал Александру, что прямо с дороги. Заметивши сие, Александр повел речь так, чтобы уважить именитого мужа: говорил почтительно и торжественно, да еще и спросил, угодно ли тому слушать уже начатую ипотезу или предложить новую, а когда Герод, обратясь к слушателям, сказал, что сделает, как пожелают присутствующие, все согласилось и дальше слушать про скифов, ибо Александр, как явствует из сказанного, справлялся с задачей блистательно. Удивительные свои дарования проявил он и в том, что с блеском изложенные до прихода Герода мысли принялся развивать в присутствии оного иными словами и в ином духе, так что тем, кто слушал по второму разу, не показалось, будто он повторяет уже говоренное. Так, предложение, вызвавшее до появления Герода особенное одобрение, – «от застоя и вода тухнет» – во второй раз было преподнесено Александром (573) по-новому: «текучая вода слаще». А вот еще из «Скифов» Александра: «Когда Истр становился, я отправлялся в полуденные страны, когда вскрывался – в полунощные, крепкий телом, не то что ныне, ибо какой немощью запугаешь человека, если гоняется он за временами года?» Под конец речи, браня город, что дышать в нем нечем, он громко провозгласил: «Ворота распахни – хочу дышать!»¹³, а потом кинулся к Героду и, обняв его, сказал: «Попотчуй и ты меня!» «Почему бы нет, – отвечал Герод, – ты-то меня вон как попотчевал!»

После выступления Герод, созвав лучших своих учеников, спросил, как им сей софист; когда же Скепт из Коринфа сказал, что, мол, рассчитывали чуть ли не на Платона, а получили какую-то дрянь, Герод прервал его: «А вот так больше никому не говори, не то прослынешь неучем! Бери-ка лучше пример с меня, почитающего его трезвым Скопелианом¹⁴», – а прозывал так Герод Александра потому, что видел в нем мужа, сочетающего сдержанность изложения с дерзновенностью софистического суждения. Выступая перед Александром, Герод возвысил голос, ибо знал, как тот любит такое звучание, а еще ввел в свою речь созвучия разнообразнее, чем у авла и лиры, ибо почитал Александра искусником (574) по части эскаллаг¹⁵. Избрана была ипотеза «Раненные в Сицилии просят отступающих афинян умертвить их своеручно»¹⁶, и в этой ипотезе он с полными слез глазами просительно произнес всем известные слова: «Да, Никий, да, отец, так-то увидишь ты Афины...»¹⁷ Тут, как рассказывают, Александр воскликнул: «О Герод, все мы, софисты, просто крошки с твоего стола!»¹⁸, а Герод, весьма таковою похвалою довольный, по велению души подарил ему десять мулов, десять коней, десять виночерпиев, десять скорописцев, двадцать талантов золота, много серебра и двух едва лепечущих детишек из Коллита, ибо слышал, что тот любит ребячьи голоса. Вот что было с Александром в Афинах.

Раз уж я приводил здесь примечательные изречения прочих софистов, надобно припомнить кое-что и из множества произнесенных Александром: среди эллинов он пока известен не столь широко, как того заслуживает. Сколь сладостны и величественны были словеса его, свидетельствует вот такое: «Марсий был влюблен в Олимпа, а Олимп в игру на авле», а еще вот такое: «Аравия – край, богатый деревьями и тенистыми долинами, нигде ни пустоши, повсюду растения и цветы, и ни листа аравийского никогда не выкинешь, ни тамошнего плода не выбросишь – только благодатны соки сей земли», или вот такое: «Бедняк из Ионии, а Иония – эллины, обитающие среди варваров». Антиох¹⁹ подобный слог высмеивал и глумился над Александром, что тот злоупотребляет словесными прикрасами, а потому по прибытии в Антиохию повел речь так: «Ионийские, лидийские, марсийские, дурацкие – говорите, о чем толковать».

Достоинства речей (575) Александра видны из упомянутого ранее, но пусть явят их и другие ипотезы. Произнося «Перикла, призывающего продолжать войну и после пророчества, в коем Пифийский бог возвестил, что, званный иль незванный, будет союзником лакедемонян»²⁰, он возражал так: «Вы тут говорите, что Пифийский бог обещает помочь лакедемонянам: он лжет, он точно так же сулил им Тегею»²¹. Произнося же «О советующем Дарию перебросить мост через Истр», говорил: «Пусть скифский Истр несет под тобою воды, и ежели, многоводный, даст переправу твоему войску, окажи ему честь, испив из него». А выступая на состязании с «Артабазом, отговаривающим Ксеркса от второго похода на Элладу»²², сказал кратко: «Останешься, государь, и будешь тебе у персов и у мидян, как я описал, а у эллинов-то что? Земля неплодная, море тесное, мужи отчаянные и боги завистливые!» А убеждая хворающих на равнине переселяться в горы²³, рассуждал о природе так: «Думаю, творец вселенной повергнул равнины вниз потому, что сделаны из худшего вещества, а горы вознес, (576) словно драгоценности: первыми приветствует их солнце, последними покидает – да и кому не любо место, где дни дольше?»

Учителя Александра были Фаворин и Дионисий²⁴, однако Дионисия он оставил на середине ученья, быв призван болящим отцом, когда же тот скончался, стал верным учеником Фаворина и прелесть слога усвоил большею частью от него. Одни говорят, что Александр умер у кельтов, еще будучи государевым письмоводителем, другие – что в Италии, уже выйдя в отставку; одни – что шестидесяти лет, другие – что раньше; одни – что при сыне, другие – что при дочери; обо всем этом я не сыскал ничего дельного.

Александр Нумений, сын Нумения – автор риторических трактатов, один из которых сохранился; любовь к философии перенял, вероятно, от своего учителя Фаворина, однако прозвище «Глиняный Платон» указывает, что претензии его большинством принимались не слишком всерьез.

¹ *Селевкия* – город на южном побережье Малой Азии.

² *Евмел* – упоминается также у Филострата Младшего, во вступлении к «Картинам»; больше о нем ничего не известно.

- ³ ...римской вечевой площади... – т. е. одному из римских форумов, всегда украшавшихся статуями, памятными арками и колоннами и проч.
- ⁴ ...в моем сочинении об Аполлонии... – В «Жизни Аполлония» (I. 13) сказано, что тот с юности воздерживался от любовных сношений.
- ⁵ *Нагие* – обитавшие в верховьях Нила мудрецы; см. о них «Жизнь Аполлония Тианского» (VI. 6 и др.).
- ⁶ ...к пеонийским племенам... – т. е. в Паннонию на Дунае.
- ⁷ ...письмоводителем эллинов... – т. е. секретарем императора по делам Греции, весьма высокопоставленным чиновником.
- ⁸ *Присядем-ка здесь...* – ср. Эсхил, «Прометей освобожденный», 32.
- ⁹ ...Герод в Марафоне... – Родовое поместье Герода Аттика было в Марафоне, там он и преподавал.
- ¹⁰ *Театр Керамика, или Агриптеон* – более известен как Одеон, построен в начале I в. н. э. для выступлений музыкантов, но использовался и для софистических декламаций.
- ¹¹ *Ипотéза* – речь на вымышленную (обычно историческую) тему; нередко предмет ее предлагалось выбрать слушателям.
- ¹² ...лекто побуждает скифов вернуться к кочевой жизни... – Сравнение городской жизни с сельской или кочевой было популярной темой показательных речей.
- ¹³ *Ворота распахни...* – Еврипид, «Финикиянки», 297.
- ¹⁴ *Скопелиан* – один из основоположников Второй софистики, старший современник Герода; слог его отличался пышностью, так что Герод, говоря о «резвом Скопелиане», имеет в виду сходную, но более сдержанную манеру; жизнеописание Скопелиана помещено Филостратом в кн. I (I. 21).
- ¹⁵ *Эксалаза* («уклонение») – малоупотребительное в риторической теории название намеренного искажения морфологической и/или синтаксической нормы.
- ¹⁶ *Раненные в Сицилии просят...* – Речь идет о неудачной экспедиции афинян во главе с Никием на Сицилию (415–413 до н. э.); потерпев поражение от сиракузян, афиняне отступили в глубь острова, но были достигнуты и полностью разбиты (Фукидид VII. 75).
- ¹⁷ *Да, Никий, да, отец...* – После разгрома афинских войск Никий сдался в плен и был казнен.
- ¹⁸ *О Герод, все мы, софисты...* – аллюзия на знаменитое изречение Эсхила о том, что его произведения – «крохи Гомеровых пиров».
- ¹⁹ *Антиох* – софист, известен только по «Жизням софистов» (II. 4).
- ²⁰ *Перикл, призывающий продолжать войну и после пророчества...* – Об этом пророчестве рассказывает и Фукидид (I. 118).
- ²¹ ...он лжет, он точно так же сулил им Тегею... – Геродот (I. 66) говорит о пифийском пророчестве, что спартанцы не завоюют всю Аркадию, но возьмут лишь Тегею; на деле спартанцы именно тегеянами были разбиты.
- ²² *Артабаз, отговаривающий Ксеркса от второго похода на Элладу...* – Также эпизод из «Истории» Геродота (VII. 10).
- ²³ ...убеждая хворающих на равнине переселяться в горы... – см. примеч. 12.
- ²⁴ *Дионисий* – см. его жизнеописание у Филострата (I. 22).

12. А вот *Полидевка* Навкратийского уж и не знаю, как называть – то ли неученым, то ли ученым, то ли, сколь ни глупо сие звучит, сразу неученым и ученым, ибо если припомнить его «Имена», слог их изрядно упражнен в аттическом наречии, если же присмотреться к слогу речей его, выходит, что по-аттически изъясняется он ничуть не лучше других. Знать же о нем надлежит следующее. В науке разбора был он искушен изрядно благодаря общению с отцом, который был знаток критических сочинений, а вот софистические речи слагал с помощью более лихости, нежели искусства, полагаясь на природу, ибо и вправду отличался одаренностью. В качестве ученика Адриана¹ он отстоит от его достоинств столь же далеко, сколь и от недостатков, ибо провалы у него случаются так же редко, как взлеты – хотя некие сладостные родники напояют и его речи. Слог же его таков: «Протей (593) Фарийский, диво Гомерово, многи и многовидны обличья его, ибо взвивается волной, вспыхивает огнем, свирепствует львом, устремляется вепрем, ползет змием, прядет пардом, а возросши древом, зеленеет листвою»². Своеобычность речей его хорошо видна из «Островитян, продающих чад своих ради уплаты податей», ибо сию ипотезу³ у него предпочитают, находя лучшей; а завершается она так: «Сын, обитающий на материке, пишет из Вавилона⁴ обитающему на острове отцу: я теперь в рабах у царя, а подарен ему сатрапом; но ни мидийского коня не седлаю, ни персидского лука в руках не держал, да и вообще не хожу на войну ниже на охоту, как подобает мужчине, но сижу на женской половине дворца, прислуживаю царским наложницам, царь же не гневается, понеже я евнух. У наложниц я в чести, потому что занимательно рассказываю об эллинском море и об эллинских дивах: какие у элейцев великие празднества⁵, и какие у дельфийцев пророчества, и каков алтарь Жалости в Афинах⁶. Ты мне тоже, батюшка, отпиши: когда у лакедемонян Гиакинфии, а у коринфян Истмийские игры, а у дельфийцев Пифийские⁷, и побеждают ли афиняне на море⁸. Будь здоров и привет от меня братцу, коли еще не продан». По вышеприведенному беспристрастные слушатели могут судить, каков слог сего мужа, беспристрастными же я зову тех, кто не блажелателен, но и не зложелателен. Говорили, что все это

произносил он медоточивым голосом, коим очаровал кесаря Коммода, так обрета от него главенство над афинскими софистами⁹. Дожил он до пятидесяти восьми лет, скончался же при сыне, хоть и законном, но неученом¹⁰.

Полидевк – вероятно прибыл в Рим при Марке Аврелии, был учителем его сына, будущего императора Коммода (161–192); от него сохранилось лишь сочинение «Имена», написанное для Коммода и ему посвященное, – тезаурус греческих слов, в том числе риторических терминов.

¹ *Адриан* – знаменитый софист, ученик Герода (см. П. 10).

² *..диво Гомерово...* – «Одиссея» IV. 456–458:

Огненнооким сначала представился львом бородатым,
После того леопардом, драконом и вепрем огромным,
Деревом вдруг обернулся высоким, текучей водою...

(пер. В.А. Жуковского).

³ *Ипотеза* – см. П. 5, примеч. 11.

⁴ *Вавилон* – Здесь описывается эпоха могущества Персии; при Филострате Вавилон давно лежал в руинах.

⁵ *..у элейцев великие празднества...* – Олимпийские игры, справлявшиеся каждые четыре года в пелопоннесской Элиде, «у элейцев».

⁶ *...алтарь Жалости...* – см. Павсаний, «Описание Эллады» I. XVII. 1.

⁷ *Гиакинфии* – в Спарте в честь Аполлона Гиакинфия, ежегодно; *Истмийские игры* – на Коринфском перешейке (Истме) в честь Посейдона, каждые два года; *Пифийские игры* – в Дельфах, в честь Аполлона Пифийского, каждые четыре года. Сосчитать, когда какие игры, можно только зная, когда были предыдущие, потому мальчику и нужна помощь.

⁸ *..лобеждают ли афиняне...* – Отсюда следует, что гипотеза относится либо ко времени морских успехов афинян в ходе греко-персидских войн, либо (вероятнее) к эпохе усиления Афинского морского союза, но так или иначе к V в. до н. э., хотя часть населенных греками островов и тогда оставалась под властью персов, сохранявших значительное могущество.

⁹ *...главенство над афинскими софистами...* – В Афинах, как и в других центрах учености, существовали содержащиеся на казенные средства кафедры софистики.

¹⁰ *..законном, но неученом...* – Было бы странно, если бы ученый сын ученого отца не дал сыну образование; вероятнее, что Полидевк, сын грамматика, произносивший хорошие речи исключительно благодаря «лихости», не счел нужным послать сына к софисту, а для Филострата ученость без ученья у софиста была немислима.

13. Кесария, что в Каппадокии, по соседству с горой Аргеем¹, – отечество софиста *Павсания*. Сей (594) Павсаний был обучен Геродом и состоял одним из членов Клепсидриона², коих многие именовали «жаждущими»³. Хоть и обнаруживал он во многих речах свойственные Героду достоинства, наипаче же умение говорить без подготовки, выговор его был груб, как то присуще каппадокийцам⁴: согласные сталкивались у него на стыках слов, долгие гласные он укорачивал, краткие удлинял – оттого-то и прозывали его многие поваром, дурно приправляющим изысканные кушанья. Речи его по смыслу были плосковаты, однако, как можно заключить по имеющимся записям, выказывали силу и не искажали древнего слога. Многие из них сложены в Риме, где он провел последние годы жизни и скончался уже в преклонных летах, быв там главою софистов, каковую должность отправлял прежде и в Афинах⁵; кстати, уезжая оттуда, он под конец обращенной к афинянам речи весьма уместно припамятовал из Еврипида: «На город кинуть дай прощальный взгляд!»⁶

Павсаний – младший современник Герода, предположительно автор «Аттического лексикона», от которого сохранились только фрагменты.

¹ *Аргей* – едва ли не самый высокий вулкан в Малой Азии.

² *Клепсидрион* – от «клепсидра» (водяные часы); с избранными учениками Герод занимался в помещении, где такие часы отмеряли отведенное для речей время.

³ *...именовали «жаждущими»...* – т. е. жаждущими знаний (ср. «Жизнь Аполлония» IV. 24).

⁴ *..как то присуще каппадокийцам...* – Каппадокия была полуварварской горной страной, где относительной эллинизации подверглись лишь немногочисленные города.

⁵ *...главою софистов, каковую должность отправлял прежде и в Афинах...* – см. П. 12, примеч. 9; как ни престижно было занимать афинскую кафедру, главной в Империи была римская, так что карьера Павсания, несмотря на его неважное произношение, оказалась самой блистательной из возможных.

⁶ *«На город кинуть...»* – измененная цитата из Еврипида («Геракл», 1406): «Дай кинуть взгляд прощальный на детей».

Перевод и комментарий Ф.Г. Беневича,
А.А. Ветушко-Калевича, А.А. Кладовой